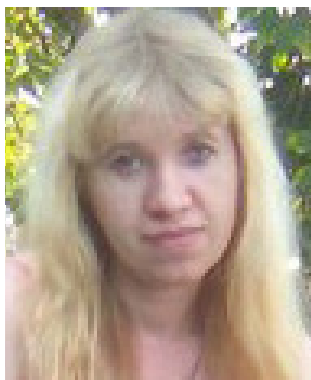

Светлана
ЧЕРНЫШЁВА

г.Вологда

ДОМ ДЕДА

Моему деду, Куфтыреву Николаю Ивановичу

Хлеб с солью

Я жила с мамой и с папой в деревянном доме, на первом этаже. Это был огромный дом, многоквартирный. Там ещё леспромхозовская контора находилась -- все говорили: «кантора». Ну, и люди всякие хорошие жили. В одной квартире, например, целых шесть человек. Трое взрослых и детей примерно столько же. Я, конечно, больше с Надюшкой дружила. Она мне по возрасту подходила. Мне семь лет, а ей почти что девять. Поэтому осенью я в первый класс пойду, а Надюшка уже во второй. Она меня много чему могла научить.

Однажды Надюшка пришла и спрашивает:

-- Ты про вкусный хлеб слышала?

-- Не поняла...

-- Ну, хлеб же, он и так всегда вкусный, а вот если солью крупной его посыпать и маслом растительным полить -- вообще -- пальчики оближешь!

-- Зачем, -- удивляюсь, -- всего столько? Мало совместимого...

-- Как зачем? -- разобиделась Надюшка. -- Если вкусно, так и полезно, наверное.

На самом-то деле я не сомневалась. Но, на всякий случай, отвернулась и, не обращая внимания на всякие там разговоры, принялась скоблить ложкой по столу. Вроде есть и у меня важное дело -- просто не хотелось показывать, что полностью согласна.

-- У нас от хлеба одна горбушка осталась, -- говорю. -- Я вчера почти всю буханку съела. Мягкий был сильно, только что испечённый.

Надюшка, сурово сдвинув брови, посмотрела на меня.

-- Понятно. Давай рассуждать: тебе одного кусочка, вкусного-превкусного, хватит? Это ведь не два и даже... не три!

-- Хватит. Что три, что один -- съем и не останется.

Я никогда не видела Надюшку такой рассудительной, поэтому и разговаривала с ней строго, без обычных шуточек. Хорошо, что Надюшку мама домой позвала. Иногда нужно и самой решения принимать. С посторонними-то подсказками, не знаю уж, как бы я справилась. Всего скорее, горбушку пересолила, а подсолнечное масло и найти бы не смогла. Разве что догадалась бы к соседке сбежать?.. Там ещё хлеба попросить.

Еле вечера дождалась, чтобы всех новым блюдом угостить. Только что приготовленным. Папа первым домой вернулся, попробовал и говорит:

-- Получается, ты сама эту вкусноту придумала, а я припоминаю, что кто-то меня таким же угощал раньше. Не могу понять -- было или во сне приснилось?

Чернышёва Светлана Николаевна г. Вологда Занимаюсь литературоведением, разрабатываю методики изучения произведений детьми, пишу сценарии, а также стихи и рассказы. Проза для детей публиковалась в периодических и электронных изданиях: «Иван-да-Марья», «Детское чтение для сердца и разума», «Радуга», «Мурр+», «Страна Озарение», «Книжки, нотки и игрушки», «Мурзилка», «Простокваشا», «Енисейка», «Новый Енисейский литератор», «Северо-Муйские огни», «Невский альманах», «Молоко», «Русская жизнь», «Литкультпривет», «Сура», «Причал», «Новая литература», «Ротонда», «Электронные пампасы», «Бийский вестник», на литературных порталах: «Белый мамонт», «Лукошко сказок», «Ларец сказок».

-- Было, -- говорю, -- Надюшка тебя угощала, которая со второго этажа. Она мне рецепт сегодня выболтала...

-- Вряд ли, -- не согласился он. -- Может, ещё в детстве? У меня друг был, Витька. Мы с ним никогда не расставались, и кирпичи вместе грызли, и лук солью сдабривали. А хлеб на первом месте был. Вкуснотища!.. Мягкий, прямо из печки, с загорелой корочкой. А если ещё и с солью, так совсем объеденье! Только полакомиться... не всегда удавалось.

Мне стало очень интересно. Вот как раньше было! Я даже и не думала, что кирпичи тоже съедобные. А то бы с утра всю нашу печку разобрала и вкусно приготовила. Знать бы, чем приправить и как подавать...

-- Не стоит, -- читая мои мысли, сказал папа. -- Это давно было, после войны. Трудно тогда жилось, да и витаминов, видимо, не хватало. Раз нам кирпичи такими вкусными казались. Теперь этим питаться не будем. А вот хлеб с солью -- самое то!

Дом деда

Родители переезжать собрались. В дедов дом. Я, конечно, не удивилась. У деда животин целый двор, им постоянный уход нужен. Травы принести, хлебушка покрошить и водицы налить. Иногда я тоже помогала, но не всегда. Звери со мной играть не соглашались. Будто специально убегали деду пожаловаться: «бе-э!.. хрю-у...» -- попробуй с такими подружиться! Овцы трусливые, а куры, те пугливые.

Вот только пришла беда. Некому стало жаловаться. Я, конечно, такого представить никак не могла. Был дед, а потом -- раз!-- и не стало. В его избе даже роза чайная завяла. От горя. Да и родители мои сильно изменились... Грустными стали, молчаливыми. А мне понять хочется, как такое случилось. Ну, не должен человек насовсем исчезнуть! Может, как-нибудь время назад повернуть?..

-- Нет, -- говорит папа, -- нет такой возможности. Он теперь в наших сердцах будет жить. И улыбаться, и советы нужные давать...

Я ничего не ответила, потому что своё задумала. «Зачем же, -- думаю, -- медлить? Раз дед меня и раньше из крапивы вытаскивал, которая за его домом растёт, так и сейчас не бросит, пойду немедленно в неё падать! И ничего со мной страшного не случится. Ну, обожгусь немножко. Дед спустится с облака и меня спасёт. А потом ещё водой из бочки польёт, на солнышке нагретой. Он и сам говорил: «Тёплая вода и доброе слово -- от любой беды спасенье!».

Сразу-то я забоялась. Всё ходила возле крапивных зарослей и примерялась, как бы поосторожней запрыгнуть... Чтобы дед меня издала заметил и быстрёхонько вытащил. К вечеру, всё-таки, решила. Там рядом доска валялась, как раз, чтобы от крапивы отмахиваться. Стала я с этой крапивой бороться. Вдруг чувствую -- и не жётся вовсе, напротив свои свойства потеряла. Я немедленно в неё забралась, по самые уши, да ещё и целую охалку нарвала. Вроде банного веника получилось. «Ну, -- соображаю, -- сейчас я себе волдырей наделаю».

-- Дедо? Спасай!

Только меня одна мама услышала. Она полезла за мной и тоже в крапиве очутилась. Долго мы с ней в этих зарослях сидели и ревели. И успокоиться не можем. Значит, так нужно. Чтобы потом дедовы дела продолжать и без него не тосковать.

Про школу

Осенью я должна пойти в школу. И мама постоянно про это твердила. Я сразу смекнула, в чём тут дело. Если, например, вместо детского сада можно было с дедом посидеть, то школу легко заменить поездками в лес, на папином погрузчике. Едешь и песни поёшь. Не жизнь, а сказка. Гораздо интереснее, чем в чёрно-белом нашем телевизоре. Только бы папа согласился! Он меня очень любит и, конечно же, на тракторе катает по всей деревне. А вот в лес, на свою работу, никогда не берёт. «Зачем, -- говорит, -- девочке такие приключения? Совсем ни к чему». Хорошо, что я так не думаю. И почему это я должна в лес не хотеть? Там птицы поют, ягоды разные растут, и грибы сами в корзинку просятся. Красота, да и только! Вечером я спросила у папы, может ли он меня в лес с собой брать, вместо школы.

-- Как это? -- удивился папа. -- Это же безобразие. Зря, что ли, мама тебя читать полгода учила? И считать по палочкам. Да и школу в деревне в этом году новую построили. Из кирпича. А эта в лес сбралась...

«Ничего себе, -- расстроилась я, -- в новую-то мне и вовсе неохота. В старой школе папа с мамой учились. Вон какими людьми уважаемыми стали. А бабушка ещё лучше -- нигде не учился, а все сказки Пушкина наизусть помнил. И про рыбака с золотой рыбкой, и про Балду. Если бы я эти сказки стала заучивать... да никогда не запомнить! Ну, героев, предположим, ещё ладно, а вот, чтобы по порядку, да наизусть...»

На другой день я сходила, на всякий случай, к школе. Большую такую громадину, из белого кирпича, построили возле парка, и я сначала решила посчитать окна. Мне ещё дед говорил: «Окна в доме, что глаза у человека. Всю душу покажут, если правильно понять. Сколько их у маленькой зимовки? А всего-то два, и те в землю застенчиво смотрят, словно говорят: «Заходи, погрейся». Дом из двух этажей много окон на себе несёт. Он, словно конь, во все глаза глядит и людей ласково встречает. Без открытой души попробуй со всеми заботами справиться! Много окон -- людей полон дом. А большая семья -- на всю жизнь забота и отрада».

Хожу, смотрю, считаю. До десяти вспомнила и расстроилась. Дальше считать не научилась ещё. Много-премного их, окон этих. Вдруг тётенька подошла, с кисточкой малярной в руке. Видимо, она забор красила, а тут и я.

-- Что-то случилось?-- поинтересовалась.

А я не знаю, как ей рассказать всё по порядку. Она стоит и голубой кисточкой по воздуху водит. Словно раскрасить хочет всё вокруг. И даже меня.

-- Окна, -- говорю, -- сосчитать нужно... Много их очень.

-- А зачем, -- интересуется тётенька, -- их считать? В окна смотреть нужно. Вот осенью придут школьники, маленькие и большие, озорные и скромные -- так сразу все окна засветятся радужным светом.

-- Так уж и радужным?-- удивилась я.

Хорошо, что тётенька решила ещё со мной поболтать.

-- Конечно, радужным! Ведь столько радости у всех впереди.

-- Сколько? -- не отстаю я. -- Неужели целая корзина?

-- Больше!-- говорит, -- десять лет счастья в одну корзину не поместится. От первой прочитанной книжки и до собственного открытия. А какая в школе дружба! На всю жизнь.

Я подумала, подумала и решила, что схожу в эту школу. Так и быть! Я и папе с мамой рассказала, какое мне счастье впереди светит. И радужными огнями переливается. А они улыбнулись и сказали, что тётенька с голубой кисточкой -- самый волшебный в мире маляр и моя первая учительница.

Вовка в тумане

По утрам петух громко кричал. То есть он, конечно, пел -- из оперы Римского-Корсаковского про «Золотого петушка». На неделе обычно гремел голосисто, а по выходным чуть потише. Он так важность свою показывал. Ест вот хлеб с крупой, а яйца куры несут. Но петух не виноват, так природой задумано. Если бы он яйца нёс, песен точно бы не дожидаться. Впрочем, будил он, почему-то, не всех. В основном, меня.

Так вот, проснулась я в воскресенье, а на улице так хорошо. Лето, жара, пыль. Точь-в-точь, как на юге. Правда, ещё комары у нас и мошкара. Но это само собой разумеется. Без них разве интересно? Можно, например, в игру сыграть: «съедобное-несъедобное». И ведь уговаривать комаров не нужно: поиграйте, мол, со мной, пожалуйста. Они сами меня находят. Позвонят, поищут -- и к Вовке прямым ходом. У него щёки вкусные, вроде спелого арбуза. Он, когда стесняется, краснеет. По этим щекам комары его и находят. Да и я тоже.

Вообще-то он живёт в соседнем доме, а возле нашего -- время от времени ошивается. Вот и сегодня стоит напротив калитки и ногами пыль поднимает. Он это специально, чтобы я его не заметила. А щёки-то красные!

-- Ну что, Вовка в тумане?

А он ещё больше краской налился:

-- На себя посмотри!

Вовка знает, что со мной всё нормально. Но подразнить-то хочется! Сейчас начнёт:

«Светлышка-мартышка, съела коврижку». Вот он какой, Вовка-морковка! Я даже представила его этим фруктом. И вправду похож! Как это я раньше не додумалась?

-- Будешь, -- говорю, -- обзывать, превратишься в морковь. Сладкую, огородную.

-- Врёшь ты всё, -- не поверил.

-- Это я-то вру?! Я вчера после твоих дразнилок сначала мартышкой по деревьям скакала, а потом в загорелую коврижку обернулась. Посмотри -- зажарилась на солнышке! Ай, болит!

Вовка после таких моих слов побледнел и в лице изменился, а потом ногой перестал пыль пускать.

-- Ничего себе! Я ведь и не подумал. Значит, если я скажу: «Андрей-воробей!» -- то мой друг птицей летать начнёт?

-- Ага, -- подтвердила я.

-- Нет, так не пойдёт. Андрюха летает, значит, а я морковкой на грядке сижу?

-- А зачем, -- удивляюсь, -- летать-то? Сидеть возле дома куда спокойнее.

-- Ты, -- не выдержал Вовка, -- ничего не понимаешь. Зря я возле твоих окон с утра до вечера туда-сюда хожу. Только время трачу! Человеку высота нужна. Вот и всё.

Мне совсем стало непонятно. Чего ему возле дома не понравилось? Ходи на здоровье! Лётчиком, что ли, в будущем захотел стать? Или космонавтом? В общем, туманный этот Вовка.

Футбол и грядки

В деревне столько дел, что их никогда не переделаешь! Сначала грядки прополи. Пусть даже сорняков больше, чем урожая у клубники. А потом в корзинку аккуратно собери. Да не сорняки, а как раз ягоды. Да скорее, скорее! Ещё работа ждёт. И так -- почти до самого вечера.

Хожу внаклонку, словно старая старушка, сорняки из земли таскаю. И хочется сбежать, потому что мальчишки у соседнего дома в футбол играют и кричат громко -- да никак не сбежишь! Обещала ведь маме...

И вот, когда они сами заявили, я всё и придумала.

-- Ну, что делать будем? -- заныл Вовка. -- Мы тебя хотели в футбол позвать играть. Ой, не играть, а болеть! Ну, не так, с горьким лекарством и большой температурой, а с пользой для здоровья и в своё удовольствие.

-- Поняла! -- сообразила я. -- Ты будешь Андрюшке голы забивать, а он -- в твои ворота!

-- Ага, -- согласился Вовка. -- Ты ещё и посчитаешь на досуге. Чтобы победителя выбрать!

И тут меня осенило:

-- Не могу! Сорняки полоть нужно! Вот, если бы вы помогли, тогда другое дело!

-- Мы? -- удивились мальчишки. -- Футболисты такими делами не занимаются. Никогда!

-- Ничего себе, -- я даже оторопела. И болеть за них передумала. Оказывается, они обыкновенные лодыри! Дед таких людей не уважал!

И вдруг они посмотрели на меня и сами собой исправились. Как раз в тот момент, когда я им хотела всё это высказать, только не успела. Потому что расплакалась.

Чердак

Надюшка на меня частенько обижалась. Ей просто не приходило в голову, что я вся при делах, и мне некогда прыгать на скакалке или играть в классики, как раньше. Даже Вовка с Андрюшкой теперь до обеда пасли овец, а вот я вдобавок полола грядки, кормила кур, собирала урожай и занималась уборкой. Меня учили этому родители, а их -- дед.

Однажды, когда мамы с папой не было дома, я решила навести порядок на чердаке. А чтобы не было очень страшно, надумала взять с собой Надюшку. Раз она, всё равно, с утра пришла в гости. К моему огорчению, забраться на чердак не сразу получилось. Высоко слишком. Было решено отыскать старую лестницу, а потом, само собой, починить её.

Прислонив этот «подъёмник» к крыше, я прибила недостающую перекладину молотком.

-- Готово! -- говорю. -- Можешь забираться.

Надюшка была в растерянности, но только потому, что раньше в таких местах не бывала.

Помолчала немножко, а потом говорит:

-- Боюсь!

-- Ещё бы! Я тоже.

Но мы всё же полезли по этой лестнице, чему были сами удивлены. Нельзя же лезть и дрожать. Даже если страшно, это совсем неудобно.

-- И часто ты здесь прибираешься? -- спросила Надюшка, стараясь не показывать раздражения. -- Грязновато... Да, и раскидано всё.

-- Не-а, -- я сделала вид, что не поняла её намёков. -- Посмотри, старый утюг...

-- Ах, да, -- обрадовалась Надюшка. -- Я в книжке читала. Его набивали горячими углями.

Ну, и гладили потом полотенца и фартуки. Тебе ведь хочется попробовать, правда?

Как только я представила переутюженным всякое там бельё, на пути попался сундук. Вещиц в нём было много-премного. Стирка бы им не помешала, а потом уж утюжка. Но подошла к маленькому чердачному окошку и увидела кое-что похуже -- лестница наша свалилась. «Ветрище, -- подумала я. -- Вот в чём дело!» И тут же захлопотал дождь по крыше, или, возможно, посыпался град. Я была в отчаянии!

-- И что мы теперь будем делать? -- Надюшка сказала это с таким видом, будто я виновата, что ветер уронил лестницу.

-- Ничего! -- я нарочно зевнула. И тут же наметила программу действий. Не показывая переживаний, я не только успокою подружку, но приберу, наконец, чердак. Слезами горю не поможешь!

-- Как ничего? -- не выдержала Надюшка. -- Значит, жить здесь остаёмся?

-- Я бы с тобой здесь пожила, только у меня родители есть. Как их без присмотра бросишь?

-- И у меня есть...

Мы замолчали, а потом до самого вечера прибирали вещи, расставляли сундуки, мели пол веником-голиком, украшали стол старинными вещицами и блестящим самоваром. Книжки, фотографии и открытки там тоже были. На фотографиях был дед... совсем как живой. Он тихонечко подмигнул мне, а потом Надюшке! И я почувствовала, что всё стало другим. Внутри меня и на чердаке. И даже за окнами, в небе... Поэтому, прежде чем обрадоваться, что папа нас нашёл, и наперегонки броситься к лестнице, мы приостановились...

-- Не нужно было на чердак без спроса забираться, -- сказала Надюшка.

-- Давай возьмём что-нибудь... Самое нужное.

И чтобы не заставлять папу долго ждать, я кинулась собирать книжки, фотографии, открытки и виниловые пластинки... Хорошо, что Надюшка мне помогала. Потому что одной ни за что столько прошлого не поднять. Тяжеловато, сами понимаете...

Про воспитание

У Вовки была собака Альма, добрая и послушная. Она недавно стала мамой и теперь ни на шаг не отходила от своих щенков.

Вовка говорит:

-- Щенков, всё равно, разберут! Столько собак разве воспитаешь?

-- Да ты погоди! Представь, домой приходишь, ботинки в прихожей снимаешь, куртку скидываешь, и тут тебе навстречу собачья стая! По головам не пересчитать. Все дружно лают и до потолка прыгают. Радости-то сколько!

-- Ничего себе, радость, -- заныл Вовка. -- А если покусают?

-- Во-первых, собаки должны быть с утра хорошо накормлены, а во-вторых, нужно носить одежду защитного цвета, футболку и штаны. Ну, чтобы наверняка...

-- Ерунду болтаешь, -- не согласился Вовка. -- Суп с косточкой сварить несложно. Намордники в каждом магазине продаются. А вот как их всех добрыми и послушными сделать?

-- Зачем, -- спрашиваю, -- всех? Слушай, а давай одних воспитаем, как следует, а других на цепь посадим -- дом охранять. Пусть злятся себе на здоровье.

-- Вот это дело, -- обрадовался Вовка. -- Сама посуди, если я с Андрейкой поссорюсь из-за велосипеда, он ко мне никогда мириться не придёт. Потому что я всех злых собак выпущу. Р-rrrr- аф!

Вовка заулыбался.

-- Не пойдёт, -- говорю. -- Пока ты дуешься, твоего друга злые псы слопают. И косточек не оставят. Из-за какого-то велосипеда?..

-- Это ж на крайний случай. Андрейка иногда щедрым бывает. И я тоже тогда незлой. Раньше он ничем не делился, а теперь учебники почитать даёт, если я их дома забуду. И большой гвоздь -- потаскать в кармане. Если и велосипедом поделится -- тут как тут -- ему навстречу -- собачьи существа с добрыми глазами.

От такого разговора я затосковала, а потом начала выход искать.

-- Может, всех воспитаем? -- неуверенно предложила я.

-- Ага, одних добрыми собачками, а других -- р-rrrr -- злыми!

Я не стала спорить, потому что в голову ничего не приходило, а сердце, как назло, сделалось тяжёлым и попыталось провалиться в пятки. Болтать о глупостях больше не хотелось. «Неужели, -- думала я, -- из лучших чувств можно столько беды натворить? Вовка-то в злодея превратился. Ну, или станет таким, когда собаки вырастут».

Захотелось немедленно всё исправить. Я даже с утра пораньше встала, чтобы Вовку отругать. «Нехорошим человеком» его обозвала. А он и не расстроился.

-- Раздали, -- говорит, -- щенков. Всех, кроме одного.

-- И как воспитывать будешь?

-- Не знаю...

Я очень хотела, чтобы Вовкин единственный щенок стал добрым и послушным, а не монстром каким-то. Но как помочь, не знала! Разве что, как говорил дед, стать ему хорошим примером. И начать, прежде всего, с себя...

Лесные разговоры

Мы шли сквозь большую траву. Я с мамой. Такой путь был выбран неслучайно. Пройдя заросли, быстрее попадёшь в лес, где вкривь и вкось растут старые деревья, а ещё грибы.

До сих пор я видела боровики и рыжики только в корзине. А сама никогда не участвовала в грибном деле. Но кое-что про это знала. Сначала находишь большое дерево, потом разбираешь сухую хвою или моховую подстилку под ним... Можно ещё по пути поболтать с красным муравьём.

-- Землю рыхлишь?

-- Тружусь понемножку, -- наверняка ответит тот. -- Гляди, под кустиком грибная шляпка виднеется. Рыжая и упругая! Ничего себе, головной убор!

Даже смешно стало. Я муравья в шляпке от рыжика вообразила. И с хвойной иголкой сверху, а ещё с зелёным брусничным листиком. Привидится же такое!

И вот, только трава перестала закрывать мне обзор, я сразу принялась головой крутить. Потому что мы в лесу оказались.

-- Что это за стук?!

-- Дятел трудиться, -- говорит мама.

Я знаю, что это птица, но так удивительно звучит: «тук-тук-тук»... Тут и остальные птицы начали вторить, со множеством вариаций: «тик-тик», «фью-ююююю» и чуть слышные «фить-фить». А если вступит сам соловей? Но ему сейчас не время.

Конечно, я могла бы напрочь забыть, зачем пришла в лес, заслушавшись лесной музыкой. Но тут заметила огромные корни, торчащие из-под земли.

-- Ого! -- удивилась я. -- Какие причудливые!

Мама говорит:

-- Обычные корни.

-- И вовсе необычные.

-- Почему же?!

-- Они на зверей и на птиц похожи... или даже на людей.

Вообще-то корней в лесу много. Нелегко их всех с кем-нибудь сравнить. Поэтому я наклонилась пониже, а там дом. Тут же, сверху, припорхнул большой лист, и появилась крыша. Сухие листья, уже лежавшие понизу, походили на заборчик. В проходе толпились красные муравьи, маленькие жители домика. Я присела на корточки, заглядывая вовнутрь:

-- Кто здесь?

-- Это мы, грибки-красноголовики! В лесном доме уродились, всем пригодились.

Я внимательно рассмотрела сверкающие шляпки и решила их не трогать. Пусть растут и сил набираются. Может, они и не догадываются, что рядом с ними настроение улучшается. И птичьи песни поются. Не зря дед говорил, что красота душу радует.

Без логики

Не могла я сообразить, как столько детей и взрослых в одну многоквартирную школу поместится. Расселяла в своём воображении знакомых ребят по кабинетам -- всё равно, получалось мало места для всех.

-- В тесноте, да не в обиде, -- сказала учительница в голубом платье.

Конечно же, я сразу её узнала. Она в прошлую нашу встречу весь мир хотела сделать радужным. Вероятно, и теперь не теряла надежды. Очень уж была улыбчивая.

И на самом деле, в каждом классе оказалось очень много парт. Это я узнала, когда меня посмотреть школу пригласили.

-- Ого! Получается, что мы с Вовкой и Андрюшкой в одном классе будем учиться? Только у них и без школы работы много. Они овец со всей деревни пасут. Андрюшка на велосипеде, а Вовка на своих двоих бегаёт. У него так лучше получается. Потому что его звери любят. И последний маленький щенок -- тоже.

Учительница ещё раз улыбнулась и почему-то спросила:

-- Ну, что? Готова стать ученицей?

-- Постараюсь, -- скромно призналась я.

На самом-то деле, совсем непонятно, как меня будут тут учить и воспитывать. Только мне этот дом понравился. Сильно-сильно. На всю жизнь. Но это я поняла намного позже.